

Оглавление

Глава 1.	7
Глава 2.	18
Глава 3.	29
Глава 4.	42
Глава 5.	57
Глава 6.	68
Глава 7.	86
Глава 8.	101
Глава 9.	116
Глава 10.	130
Глава 11.	139
Глава 12.	159
Глава 13.	174
Глава 14.	183
Глава 15.	196
Глава 16.	217
Глава 17.	233

Глава 18.	275
Глава 19.	295
Глава 20.	318
Глава 21.	350
Глава 22.	370
Глава 23.	385
Глава 24.	408
Глава 25.	422
Глава 26.	445
Глава 27.	459
Глава 28.	468
Глава 29.	480
Эпилог	492
От автора	508

Посвящение

Всем детям, которые запомнили пороховой запах и звук, отбирающий жизни. Тем, кто ощутил реальность мира слишком рано.

Дети не должны хоронить детей.

Единственная кровь, которую они могут ощущать на своей коже, — это кровь от содранных коленок.

Примечание автора

Дорогой читатель,

серия «Истории Брукфилда» не является легкой: каждый герой — со своей собственной историей и болью. Мои герои бывают мрачными, порой сумасшедшими, сломленными и потерянными, а их поведение и характеры могут расстраивать и беспокоить.

Коул и Кэнди открывают серию и задают ей настроение, и если вы не готовы к неидеальным персонажам и к ужасным воспоминаниям из их жизней, не продолжайте!

Эта книга содержит сцены насилия и убийств, а также упоминание наркотиков. Напоминаю, что употребление наркотических и любых других запрещенных веществ опасно для жизни. Я как автор использую их упоминание в рамках вымышленного художественного текста исключительно в негативном ключе.

Удачи!

Глава 1

Кэнди

Я с трудом замуриваю глаза, чтобы перестать смотреть на стрелку наручных часов. Но тиканье доходит до ушей, и в голове начинается отсчет.

Десять. Девять. Восемь. Семь.

Я задерживаю дыхание, надеясь, что эти секунды будут длиться вечность — и ровно в восемь утра мне не придется выходить из комнаты. С каждым разом, как стрелка дергается, издавая уродливый звук, страх сильнее сковывает тело.

Шесть.

Я не готова возвращаться обратно. Слишком рано.

Пять.

Кажется, в какой-то момент мозг обязан привыкнуть к звуку часов. Что стоит лишь чаще слышать его — и он перестанет напоминать о том дне. Но это очередная глупость, которой я стараюсь успокоить себя перед сном.

Еще один год, и все пройдет.

Ведь пяти и без того пройденных лет недостаточно, чтобы забыть? Этого мало, чтобы перестать вздрагивать от шума стиральной машины, звука соприкосновения чашки с поверхностью стола, скрипа двери и громких голосов?

Четыре.

Каждый день я надеюсь, что встану — и все прекратится. Криков в голове не будет, ощущение крови на руках перестанет казаться реальным, а очертания воющих людей исчезнут.

Три.

И каждый раз я просыпаюсь, понимая, что «сегодня не тот день», и засыпаю с лживой надеждой: «Может, это случится завтра?».

Два.

Миранда Блейн

Может, если бы в тот день умерла я, всем бы стало легче? Ведь присутствие смерти ощущалось реальнее, чем родители, сидящие на первом этаже и ожидающие моего выхода. Я чувствовала, как она дотронулась до меня и как тело откликнулось на нее. Ее прикосновение было приятным. Мне не хотелось, чтобы она отпустила и уходила.

Почему она оставила меня здесь?

Один.

Почему смерть забрала ее, а не меня?

Время вышло.

Я делаю глубокий вдох и встаю со стула, оглядывая себя в зеркало впервые за день. Около тридцати пяти часов в неделю. Это ведь не так много, правда? Разве я не смогу их вытерпеть?

Плотный шерстяной свитер закрывает все недостатки тела. Из-за сниженного аппетита кожу на лице постоянно высыпает, слишком отчетливо выделяются скулы, а синяки под глазами делают меня больше похожей на пугало. Единственной радостью (если ее вообще можно таковой считать) становится синяя школьная юбка до колен: она принадлежала Ханне и была любимой вещью в ее гардеробе. Надеюсь, что вместе с тканью мне передастся и уверенность хозяйки.

Длинные черные волосы струятся волнами по плечам. Я не стала собирать их в хвост, чтобы не акцентировать внимание родителей на худобе: волосы закрывают вид на ключицы и шею. Я прохожусь кончиками пальцев по лицу, стирая с уголков глаз наворачивающиеся от страха слезы, и глубоко дышу, надеясь привести сердцебиение в норму. Но сердце продолжает колотиться с дикой скоростью.

Две таблетки успокоительного, выпитые с утра, не оказывают должного эффекта. Может, от тревоги просто нет лекарств? Она, как смертельное заражение, проникает в тело человека и уже не покидает его до самой смерти.

Мама всегда говорила, что я родилась с врожденным беспокойством. С самого раннего возраста боялась посторонних людей; вздрагивала, когда незнакомцы касались меня, и была

Хрупкая тайна

тем, кого сторонятся. Странноватой девочкой. Дети в школе не хотели общаться со мной, считая до ужаса чудаковатой. Никто не обижал меня никогда, наверное, по той причине, что я находилась рядом с Гарретом, Ханной и Джереми. Они всегда были в центре внимания, их любили. Думаю, им даже не нужно было ничего говорить — люди все равно тянулись к ним и смотрели с желанием познакомиться поближе.

Каждый из них дружил со мной. Не просто пересекались взглядами, здоровались ради приличия и иногда заводили разговор. Они всегда были со мной.

До смерти Ханны. Теперь — нет.

И, наверное, с ужасным чувством горечи я могу признать, что причина общения мальчиков со мной была далеко не во мне, а *в ней*. Ханна была удивительным человеком: от одного ее появления жизнь становилась лучше; она обладала магией заставлять человека радоваться без причин.

И у нее была самая красивая улыбка на свете.

Даже когда Ханна боролась с собственными демонами, она улыбалась. *Всегда.* Говорила, что жизнь становится легче, если улыбаться. Но теперь ее нет, и каждый раз, когда дергаются уголки губ, мышцы лица начинают болеть, словно меня настигает фантомная боль.

— Ты *сможешь* сделать это, — шепотом проговариваю я, все еще глядя на себя в зеркало.

Смотрю в отражение, пытаюсь найти детали прошлой жизни и зацепиться за них... И понимаю, что их *нет*. Ни одной гребаной крупицы. Я хочу вернуться к той жизни, которую у меня отняли. К тому человеку, которого еще не уничтожил пороховой запах, въевшийся под кожу на долгие годы... Но у меня не получается. И вряд ли когда-нибудь получится.

— Университет — не самое страшное место на планете, Кэнди. Это не школа, — убеждаю себя.

Мои бывшие друзья Джереми и Гаррет всегда говорили, что я должна учиться справляться с внутренней тревогой.

«*Покажи этой сучке, что у нее нет власти над тобой, Кэнни*», — пригрозил Гаррет мне на ухо, когда мы перешли в среднюю

Миранда Блейн

школу, и ученики считали своим долгом смотреть на меня так, что вся уверенность рассыпалась на глазах. «Если это не сделаешь ты, никто не поможет тебе», — так же посоветовал Джереми. Наверное, мне стоило прислушаться к ним еще тогда, потому что сейчас процесс необратим. Уже невозможно избавиться от болячек, которые раньше казались не такими страшными.

Я стараюсь медленно делать каждый шаг по направлению к лестнице, глупо считая, что пара лишних секунд, проведенных в доме, уймут дрожь в теле.

Нет.

Громкий хлопок посуды с первого этажа возвращает меня в реальность. Я прижимаюсь плечом к стене и обхватываю рукой живот.

Это все нереально.

Его тут нет.

Это мама и папа.

Его тут нет.

Наш дом строго охраняется.

Его тут нет.

Это не школа, а мой дом.

Его. Тут. Нет.

Здесь безопасно.

— Кэнди, ты спускаешься? — раздается будничным голос отца.

Он звучит нормально. С ним все хорошо. Никто из них не пострадал.

— Да. — Я провожу ладонью по лбу, стирая капли холодного пота, и начинаю двигаться вниз.

Ногтями впираюсь в ладонь, заставляя разум не уходить в те уголки, которые не могу контролировать. Если надавить сильнее — так, чтобы повредить кожный покров, — боль выместит страх.

— Доброе утро, — натянуто проговариваю и сажусь за стол.

Родители напряженно переглядываются, и мама первая подходит ко мне. Она осторожно целует меня в лоб и ставит

Хрупкая тайна

тарелку с завтраком на стол. Живот сводит от аппетитного запаха, который лишь провоцирует тошноту.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Опускаю глаза вниз, сосредоточивая взгляд на тосте с арахисовым маслом.

— А если отвечать честно? — Мама слегка поглаживает мое плечо, не отстраняясь.

Я задерживаю дыхание и качаю головой, не зная, что ответить. Если соврать, они примут мой ответ и не станут настаивать, но позже ночью из комнаты родителей снова начнут раздаваться всхлипы мамы; впрочем, если скажу правду, исход будет таким же.

Мне страшно возвращаться. Мой пульс ускоряется всякий раз, как я представляю, что сижу в классе, а стрелка часов отбивает девять часов утра.

— Гвен... — отец зовет маму к себе, и они вместе садятся напротив меня. — Кэнди, мы с мамой хотели сказать, что гордимся твоим решением пойти в университет.

Не моим.

Это было решение психотерапевта, который каждую нашу встречу говорил о важности двигаться дальше. Я перестала заниматься с ним еще год назад, но совет поступить в университет сохранила. Я бы с удовольствием оставалась на домашнем обучении, если бы не напоминание о Ханне.

Она мечтала, что мы вместе войдем в здание университета Лиги плюща. Мы задумались о поступлении в Брукфилд, еще когда нам обоим не было и одиннадцати. Моя мама училась там вместе с отцом, поэтому все детство Ханна и я провели за рассказами о студенческой жизни, которые отложились на подкорке сознания. Мы даже попросили наших родителей купить нам толстовки с логотипом Брукфилдского университета. У моей кровати стоит фотография с нами одиннадцатилетними на его фоне. Как напоминание, *почему* я это делаю. *Ради кого* иду в университет.

— Ты знаешь... — мама умолкает на несколько секунд, прежде чем снова начать. — Мы с папой ведь учились в Брукфилде. Там безопасно. Правда. Ни одного случая...

Миранда Блейн

— Я поняла, — перебиваю ее.

— Кэнди, если ты не готова возвращаться, тогда не стоит идти. — Голос отца становится мягким. — Мы не против, чтобы ты продолжала домашнее обучение. Это твое решение.

В их словах нет лжи. Родители всегда уважали мои решения, давали право выбора во всем, и я благодарна им, что никогда не ощущала на себе давления. Возможно, только их безусловная поддержка и принятие моего молчания помогают мне держаться на плаву.

— Все нормально, ладно? — тихо отвечаю, снова проводя рукой по лбу. — Я просто слегка нервничаю перед первым днем.

— Нервничать нормально, Кэнди. Твоя мама сгрызла все ногти, пока мы добивались до университета в первый день.

На моем лице появляется едва заметная улыбка от слов папы. Гвеннет Митчелл, моя мама, — самая яркая и уверенная в себе женщина, которую я когда-либо встречала. И рассказы папы о ее волнении кажутся выдумкой.

— Да, а твой отец чуть не поседел, потому что думал, что любой стресс для беременной женщины смертелен, — смеется она.

Я на мгновение встречаюсь с ними взглядом и снова отвожу его к еде. Они пытаются вести себя со мной как раньше, разговаривают ни о чем, спорят и смеются. Но жуткий след страха и смерти витает в каждом уголке дома. И его не убрать отсюда чистящими средствами.

Мы все пытаемся избавиться от ужасных воспоминаний, но всякий раз, глядя друг другу в глаза, все, что мы видим, — это отражение собственной боли.

— По статистике, Гвен... — Но тут мама прерывает отца, прикладывая палец к его губам.

Папа по образованию экономист, который с первого взгляда представляет собой идеального работника на Уолл-Стрит: дорогой черный костюм, ухоженный вид и желание работать сутками. А мама — взбалмошная художница, которая скорее сожжет свою студию, чем позволит кому-то управлять ей.